limovec, ilmovina, также lîm, líma, русск. «ильм» и «ильма» — вяз, дерево из семейства вязовых.

«Славянские формы, — продолжает Б. М. Ляпунов, — хорошо объясняются из форм древненемецких: др.-в.-нем. ëlm, ср. в.-нем. ilme при н.-в.-нем. ulme, которое может быть новым заимствованием из латинского. Не заимствованием ли объясняется и ненормальность замены «ь» в словенском через „i" вместо обычного „a" (líma вместо *láma)? Или это отступление обусловливается влиянием отпавшего впереди „i"? Если „волмина" в Хутынской грамоте действительно означает нечто, относящееся к вязу, то, может быть, „*вълм" не взято ли с латинской формы ulm-, а „ильм" — с нем. ilm- или elm-?».[3] Когда и при каких условиях могло быть произведено это двойное заимствование, Б. М. Ляпунов, конечно, не мог определить из-за недостаточности данных.

Мы здесь лишь отметим, что Фр. Миклошич и Б. М. Ляпунов, сопоставляя «волмина» с лат. ulmus, предполагают в древнерусском слове значение какого-то дерева, относящегося к вязу; семантически к «волмина» примыкает «ильм». Однако остается необъясненным начальный вокализм этих слов. С фонетической точки зрения необъяснимо и сопоставление Г. А. Ильинского слова *jьlmъ со словом «*jельха», «ольха». В. Махек относит слово *iьlм к «праевропейской» лексике.[4] Под «праевропейской» лексикой В. Махек понимает слова, которые были заимствованы древними индоевропейцами на территории Европы у неиндоевропейского населения. «Праевропейское» слово, заимствованное различными индоевропейскими племенами независимо друг от друга, хотя и может в известной мере сохранять свой «туземный» фонетический облик, но в каждом индоевропейском языке изменяется по-своему. В отличие от исконных индоевропейских слов, «праевропейские» слова не имеют обычных фонетических соответствий, позволяющих установить исходную праиндоевропейскую форму. В качестве примера «праевропейского» слова В. Махек приводит слав. jedla, литовск. egle, греч. ἐλάτη — «ель». Балтослав. edla и греч. elatā генетически одно и то же «праевропейское» слово, но в греческом отразились замена «d» через «t», перестановка d(t)-l, замена «е» на «а».[5]

Предположение о «праевропейских» словах, совпадающих или близких по значению, сохраняющих общее в своем фонетическом облике, но не сводимых в одну исходную праформу, заслуживает внимания. Если бы нам удалось доказать, что «волмина» означало какое-то дерево, относящееся к вязу или близкое к нему, то сопоставление этого слова с лат. ulmus, слав. «ильм» и подобными словами могло бы быть оправданным с точки зрения гипотезы «праевропейских» слов.

Переходим к рассмотрению имеющегося в нашем распоряжении материала, который и сам по себе представляет некоторый интерес.

В современных новгородских и некоторых других северновеликорусских говорах, на наш взгляд, сохраняются следы загадочного древнерусского слова. На территории Новгородчины я насчитал около десятка топонимических названий: Во́лмино (несколько деревень), Во́лминка (две деревни и речка). Эти названия сами по себе «безгласны», так как их «внутренняя форма» утеряна, но они устраняют всякие сомнения насчет реальности употребления в древнерусском языке единственный раз встретившегося слова «волмина». Небезынтересно отметить, что некоторые деревни Волмино и Волминки расположены вдали от каких-либо заметных водоемов.

---

[3] Там же, стр. 79.
[4] V. Machek. Česká a slavenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 90.
[5] Там же, стр. 9.